

УДК 821.161.1

Сон как социальный и инфернальный фон картины бытия в цикле А. Блока «Страшный мир» (1909-1916)

Байрамова Карина Владимировна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Дагестанский государственный университет, 367023, Россия, республика Дагестан, Махачкала, ул. М.Гаджиева, 34; e-mail: samoylovslab@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению художественной функции сна в общей для всего третьего тома лирики А. Блока картине бытия «страшного мира». Синкретизм сна и тумана создает, с одной стороны, образ инфернального хаоса, с другой стороны, атмосферу призрачности, иллюзорности социальной обстановки. Инфернальная направленность «Страшного мира» определяет традиционные представления о сне как важнейшей реальности подземного мира. Зеркальная природа сна обнаруживает в реальном мире черты мира потустороннего. В картине бытия цикла «Страшный мир» сон выполняет одновременно функцию испытания, разоблачения и функцию возмездия. Испытание сном оказывается возможным постольку, поскольку в поэтике сна воплощались прежде высокие духовные ценности.

Ключевые слова

Блок, сон, цикл «Страшный мир», демон, Лермонтов, ночь, двойник.

Введение

Открывающий последнюю книгу стихов Блока цикл «Страшный мир»

представляет исходную картину бытия третьего тома. В этом смысле он является своеобразной «экспозицией», «вводной главой, лирической предпо-

ссылкой ко всему содержанию тома»¹. Ориентация блоковского цикла на «Божественную комедию» Данте², точнее на ее первую часть, подтверждается семантикой названия и проявляется на образном (герои цикла: Демон, вампир, двойники, мертвецы) и ситуативном уровне (лирическая ситуация нисхождения / пребывания в Аду). При этом контекстность блоковского творчества определяет не только имплицирование в цикле основных мотивов третьего тома, но и тесную связь «Страшного мира» с двумя предыдущими книгами стихов. Так, обусловленная inferнальной направленностью цикла актуализация ночной философии выступает как «подкрепление и корректив»³ поэтики ночи предыдущего второго тома.

Ночная философия «Страшного мира»

Уже во второй книге стихов Блока была задана романтически-мифологическая ситуация ночно-

го мира. Внутриприродной позиции героя- «мифологизированного субъекта»⁴ была со-противопоставлена позиция героя-романтика, оценивающего мир ночной природы извне. Традиционно-романтическое чувство ночи во втором томе стихов Блока определило двойственную поэтику образов ночных светил и актуализировало мотивы двойничества.

Представленная во второй книге стихов мифологически-романтическая ситуация ночного мира, которую исследователи называют «ситуацией-мифологемой»⁵, развивается в «Страшном мире» в русле традиционного семантического ряда: «хаос» – «ночь» – «преисподняя» – «космос». Это определяет вполне традиционное решение целого комплекса мотивов, связанных с ночной ситуацией-мифологемой:

1) творческой природы ночного хаоса («И, вглядываясь в свой *ночной кошмар*, // Строй находить в нестройном вихре чувства, // Чтобы по бледным заревам *искусства* // Узнали жизни гибельной пожар!»⁶);

1 Максимов Д.Е. Об одном стихотворении («Двойник») // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 152.

2 Небольсин С. А. Комментарии // Блок А. Собрание сочинений в 6-ти т. – М., 1971. – Т. 3. – С. 330.

3 Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 15.

4 Чижиковский П. Б. Диалог культур в лирике Ф. Тютчева (мифология и романтизм) // Жанр и проблема диалога. – Махачкала, 1982. – С. 123.

5 Там же. – С. 127.

6 Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – М., 1971. – Т. 3. – С. 17.

2) идеи «вечного возвращения»: («Ночь, улица, фонарь, аптека, // Бессмысленный и тусклый свет. // Живи еще хоть четверть века – // Все будет так. Исхода нет»⁷). Усиление драматизма обусловлено трагической повторяемостью «невозврата» (смерти) – «бессмыслицы жизни и бессмыслицы смерти»⁸. По наблюдению исследователей, «обреченность «страшному миру» вовлекает героя в стихию роковой детерминации с единственным исходом – уничтожением. Это мир абсолютной финальности, утрат и невозвратов»⁹;

3) мифологического изоморфизма, включенного в пантеистический образ колыбельной-панихиды: «И ветер ночной поет в окно // Напевы сонной панихиды»¹⁰.

В соответствии с трагической направленностью цикла в каждом мотиве акцентируется «смертельная раз-

вязка». Стихийное начало в любви в метафоре «ночь-страсть» (развиваемое в циклах «Снежная маска» и «Фаина»), соединяясь с мифологическим «противопоставлением – отождествлением» страсти-смерти (представленным в цикле «Пузыри Земли»), определяет смертельный исход любви в «Страшном мире»: «Чтоб на ложе долгой *ночи* // Не хватило *страстных* сил! // Чтоб в пустынном вопле скрипок // Перепуганные очи // *Смертный* сумрак погасил»¹¹.

Ночная философия в цикле развивается, органически соединяя разбросанные, разделенные во втором томе мотивы-воплощения ее: от народно-демонологического образа ночи-«домового», как в «Снежной маске» («Ночь тихо ходит по квартире // Храня уютный угол мой»¹²) – до ночи как «эманации города», пейзажного фона «Петербургского текста», как в цикле «Город» («Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие. // Но некому помочь: // Куда ни повернись – глядит в глаза пустые // И провожает – ночь»¹³.)

«Экспансия» ночи в соответствии с отмеченной Д.Е. Максимовым

7 Там же. – С. 24.

8 Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 118.

9 Исупов К.Г. Историзм Блока и символистская мифология истории. (Введение в проблему) // Александр Блок. Исследования и материалы. – М., 1991 – С. 12 .

10 Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 3. – М., 1971. – С. 22.

11 Там же. – С. 8.

12 Там же. – С. 22.

13 Там же. – С. 31.

«трагической атмосферой»¹⁴ цикла обретает inferнальные признаки: «И тихая тоска сожмет так нежно горло: // Ни охнуть, ни вздохнуть, // Как будто ночь на все проклятие простерла, // Сам дьявол сел на грудь»¹⁵.

В этом смысле показательна трактовка образа двойника как порождения ночи. Оставляя в стороне отмеченную Д.Е. Максимовым типологическую вариативность образов двойников в цикле¹⁶, выделим «общеприродные» предпосылки появления двойника, обусловленные особенностями ночной философии цикла. Характерно развитие в цикле образов природных светил. Кроме известного по второму тому «кривляния», иронии месяца («Вон месяц, как паяц, над кровлями громад // Гримасу корчит мне»¹⁷), акцентируется больная, нездоровая природа ночных светил, определяющая сумасшедшую ауру «страшного мира»: «Так присплюснут диск *больной*, // Заплывавший все в природе // Нестерпимой

желтизной»¹⁸. Проникновение ночи изнутри в психику определяет раздвоение, расщепление сознания героя. Мироощущение блоковского двойника отличает «осознание в себе и вне себя ночи»¹⁹. В этом смысле показательны изменения в образе Солнца. В конце второго тома сюжетно-субъектные отношения символизировали образы «метели» и «солнца». Герой сближался с образом Солнца, героиня наделялась метельной стихийностью. Развитие образа Солнца связано с эволюцией мотивов сна. Сравним: в цикле «Город»: «Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь, – // Наши гимны, и песни, и сны – без числа!»²⁰ – в цикле «Фаина»: «И снится, и снится, и снится: // Бывалое солнце! Тебя мне всё жальче и жальче»²¹. Подобное «редуцирование» образа Солнца и превращение его из субъекта в объект сновидения находит развитие в «Страшном мире» в мотиве отрицания Солнца («Дневное солнце – прочь, раскаяние – прочь!... В опустошенный мозг ворвется только

14 Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 112.

15 Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 3. – М., 1971. – С. 31.

16 Максимов Д.Е. Об одном стихотворении («Двойник») // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 155.

17 Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – М., 1971. – Т. 3. – С. 38.

18 Там же. – С. 32.

19 Максимов Д.Е. Об одном стихотворении («Двойник») // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 180.

20 Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 2. – М., 1971. – С. 129.

21 Там же. – С. 208.

ночь, // Ворвется только ночь!»²²). Активное вмешательство-проникновение природных светил во внутренний мир героя определяется включением в природные образы этического момента. При этом ночь воспринимается как время наказания, возмездия герою («Когда, что ночь, к плечам ее атласным // Тоскующий склоняется вампир!»²³). Характерно, что мотив «возмездия» является одним из важнейших в последующих циклах и в общем идейном содержании третьего тома. Абсолютизированный образ Ночи, представленный разными гранями, отражает совмещение в картине мира цикла нескольких планов бытия, нескольких реальностей. Д.Е. Максимов пишет об «инфернальном призраке «страшного мира», космическом и социальном»²⁴. Важную роль в пересечении этих реальностей играет мотив «зеркала».

Мотивы «зеркала» и «вина» сквозь призму поэтики «сна» и «яви»

Зеркало выступает одним из важнейших атрибутов «страшного

мира». Зеркальный принцип лежит в основе картины бытия цикла, так как зеркало обозначает грань между двумя мирами: реальным и отраженным, земным и потусторонним. При этом зеркальный, отраженный мир оказывается истиннее и реальнее мира земного. Зеркало разоблачает лживость реального мира («В сей час в стране блаженной мы ночуем, // Лишь здесь бессилен наш *земной обман*, // И я смотрю, предчувствием волнуем, // *В глубь зеркала* сквозь утренний туман»²⁵) и земных чувств («Обратясь к кавалеру, намеренно резко // Ты сказала: «И этот влюблен». – «...Но из *глуби зеркал* ты мне взоры бросала // И, бросая, кричала: «Лови!..»²⁶). Кроме того, мотив «зеркала» традиционно выступает как реальная мотивировка образа двойника: «Быть может, себя самого // Я встретил *на глади зеркальной*»²⁷».

Можно предположить, что в «страшном мире» отраженный мир первичнее реального. Как представляется, подобное мироустройство цикла развивает особенности «городской» тематики второго тома. Близость «сна» и «тумана» в «страшном мире»

22 Там же. – Т. 3. – С.38.

23 Там же. – С. 12.

24 Максимов Д.Е. Об одном стихотворении («Двойник») // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л.,1981. – С. 170.

25 Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 3. – М., 1971. – С. 10.

26 Там же. – С. 16.

27 Там же. – С. 9.

создает эффект «полуметафорической – полуреальной»²⁸ ресторанной атмосферы как одного из проявлений двойственной природы города: «Из хрустального тумана, // Из невиданного сна // Чей-то образ, чей-то странный... // (В кабинете ресторана...)»²⁹. Зеркало обнаруживает первичность отраженной реальности в городском контексте, развивая «процесс дематериализации городского мира» и снижения «реальности городской сферы»³⁰. В этом аномальность социальной обстановки, рождающая многочисленных двойников в цикле. Однако кроме разоблачения зеркало выполняет и другую функцию. Совмещая социальную и метафорическую реальность в цикле, оно обнаруживает шанс на спасение в «страшном мире». Эффект «зеркального» взгляда, взаимоотражая людей, сближает их, открывает другую, противоположную «страшному миру» реальность. Сравним с «Незнакомкой» второго тома: «И странной

близостью закованный, // Смотрю за темную вуаль, // И вижу берег очарованный // И очарованную даль... И очи синие бездонные // Цветут на дальнем берегу»³¹.

Однако сложность заключается в том, что в «Страшном мире», как и в «Незнакомке» второго тома, откровение другого бытия имеет и вторую, реально-приземленную, социальную мотивировку – состояние опьянения. Не случайно уже во втором томе отмечалась близость двух мотивов: «вина» и «зеркала».

Двойственная, «зеркальная» природа вина в «Страшном мире» выражается в том, что вино не только создает иллюзии (иллюзию прозрачной социальной обстановки: «Из хрустальной тумана, // Из невиданного сна // Чей-то образ, чей-то странный... // (В кабинете ресторана // За бутылкою вина)»³²; иллюзию забвения страданий: «Ищу забвенья в радостях вина»³³), но и разрушает их. В цикле мотив «вина» обнаруживает внутренние причины последовательного превращения человека в героя «страшного мира»: забвение преж-

28 Максимов Д.Е. Об одном стихотворении («Двойник») // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 167.

29 Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 3. – М., 1971. – С. 7.

30 Максимов Д.Е. Об одном стихотворении («Двойник») // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 168.

31 Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 2. – М., 1971. – С. 160.

32 Там же. – Т.3. – С. 7

33 Там же. – С. 11

них ценностей первого тома, утрата духовного единения с людьми («Я на земле был брошен в яркий бал, // И в диком танце масок и обличий // Забыл любовь и дружбу потерял»³⁴) – забвение в вине, «лирика страстей и вина» и «упоения гибелью»³⁵ второго тома («Иль мрачные порочные услады // Вина, страстей, погибли души») – со-противопоставление крови и вина в третьем томе («И пил я кровь из плеч благоуханных, // И был напиток душен и смолист»³⁶). Жертвенно-искупительный смысл библейско-мифологического подтекста в соотнесении крови и вина кощунственно профанируется в цикле ситуацией: вампир и жертва.

Уподобление в цикле жизни вину в метафоре: «жизнь – вино», «жизнь – бокал вина» обнаруживает социальную и интимную драму «страшного мира» («И матрос, на борт не принятый, // Идет, шатаясь, сквозь буран. // Все потеряно, все выпито! // Довольно – больше не могу...»³⁷,

34 Там же. – С. 9.

35 Машбиц-Веров И. Лирика любви. Тема «Страшного мира» // Машбиц-Веров И. Русский символизм и путь А. Блока. – Куйбышев, 1969. – С. 300.

36 Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 3. – М., 1971. – С. 11.

37 Там же. – С. 13.

«Узкий твой бокал и вьюга // За глухим стеклом окна – // Жизни только половина! // ...Жизнь разбей, как мой бокал»³⁸. Мифологические корни идеи единения, заложенные в мотиве вина, реализуются в цикле в мотиве преодоления одиночества как единственной возможности спасения в «страшном мире». И вместе с тем мотив «вина» обнаруживает хрупкость, призрачность, ненормальность человеческих отношений в «страшном мире»: «В вечернем звоне хрупкого бокала, // В тумане хмельном встретившись на миг // С единственной, кто ласки презирала»³⁹.

Сближение мотивов «зеркала» и «вина», таким образом, обусловлено их двойственной иллюзорно-разоблачительной ролью в «страшном мире». В картине бытия цикла в эту близость опосредованно включается мотив сна.

Устойчивое для цикла сочетание «глубь зеркал», реализованное в контексте мотива сна, позволяет предположить «зеркальную» природу сна в «Страшном мире»: «Из глубины невиданного сна»⁴⁰. Выявление «зеркальной» природы сна в пространстве

38 Там же. – С. 7.

39 Там же. – С. 11.

40 Там же.

ада, потустороннего мира не случайно и развивает традиционное представление о сне как важнейшей реальности подземного мира: «Нас некий вихрь увлек в подземный мир! // Окованной навек глухими снами, // Дано ей чутать боль и помнить пир»⁴¹. Сон как зеркало потустороннего мира проецируется в целом комплексе взаимоотраженных представлений мира реального. В мотивах-философемах:

1) «смерти»:

– зеркальное отражение эфемеризма «смерть как сон» («В самом чистом, в самом нежном саване // Сладко ль спать тебе, матрос?»⁴²);

– «сон как смерть» («Поглядите, вот бессильный, // Не умевший жизнь спасти, // И она, как дух могильный, // Тяжко дремлет взаперти»⁴³);

2) «жизни»:

– отождествление жизни и сна («Идут часы, и дни, и годы, // Хочу стряхнуть какой-то сон»⁴⁴)

– противопоставление жизни и сна («И в снах этих многое снится... // И не всегда в них такой, // Как в мире, отменный порядок»⁴⁵);

41 Там же. – С. 12.

42 Там же. – С. 13.

43 Там же. – С. 31.

44 Там же. – С. 18.

45 Там же. – С. 35.

3) «души»:

– с одной стороны, отражение во сне «подземного», хаотического мира души («О том, как длился непонятный сон... // Из бездн ночных и пропастей туманных»⁴⁶), сон как реальная мотивировка образа двойника («Вдруг вижу – из ночи туманной, // Шатаюсь, подходит ко мне // Старейший юноша (странно, // Не снился ли мне он во сне?)»⁴⁷);

– с другой стороны, представление о воплощении в снах прежних духовных ценностей («То душа, на последний путь вступая, // Безумно плачет о прошлых снах»⁴⁸).

«Зеркальная природа» сна обнаруживает в реальном мире черты потустороннего мира. Сближение «сна» и «тумана» как инфернальных явлений и как «эманации» города отражает в широком контексте «совмещение в цикле социального и метафорического ада»⁴⁹. В этом смысле показательно сравнение с первой книгой стихов Блока. Если в «Стихах о Прекрасной Даме» синкретичная семантика «сна»

46 Там же. – С. 11.

47 Там же. – С. 8.

48 Там же. – С. 15.

49 Максимов Д.Е. Об одном стихотворении («Двойник») // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 153.

и «тумана» создавала творческий образ «онтологически первичной синей бездны»⁵⁰, то в третьем томе синкретизм «сна» и «тумана» отражает образ инфернального хаоса («О том, как длился непонятный сон // Из бездн ночных и пропастей туманных»⁵¹). Плазматическое состояние «сна-хаоса»⁵² позволяет предположить в качестве его водной, текучей основы – вино». («Из глубины невиданного сна // Всплеснулась, ослепила, засияла // Передо мной – чудесная жена! // В вечернем звоне хрупкого бокала, // В тумане хмельном встретившись на миг...»⁵³). Такое предположение объясняет развитие в контексте мотива сна целого ряда представлений, связанных с вином. Например:

– иллюзорности «сна-забвения» как преодоления бессмысленности человеческого существования («Что счастье? Короткий миг и тес-

ный, // Забвенье, сон и отдых от забот... // Очнешься – вновь безумный, неизвестный // И за сердце хватающий полет»⁵⁴);

– опасности отрыва от действительности («И стала мне молодость сниться, // И ты, как живая, и ты... // И стал я мечтой уноситься // От ветра, дождя, темноты»⁵⁵);

– искусительной природы сна («И ветер ночной поет в окно // Напевы сонной панихиды... // Лишь соблазнитель мой не спит.»⁵⁶).

Непосредственное сближение мотивов «сна» и «вина» проявляется в создании ими полупризрачной атмосферы, которая определяет «проблематическую модальность» образов в «Страшном мире». В стихотворении «Песнь Ада» «сон-зеркало» отражает образ героини, появляющийся из бездны и стихии вина. Этот сон искушает и испытывает героя, обнаруживая, как в зеркале, его греховную природу. В то же время сон этот ниспослан как гнев за забвение прежних духовных ценностей и «упоение гибелью» в страсти и вине. То есть сон выполняет одновременно разоблачительную функцию и функцию наказания, возмездия:

⁵⁴ Там же. – С. 27.

⁵⁵ Там же. – С. 8.

⁵⁶ Там же. – С. 22.

⁵⁰ Бройтман С.Н. Предыстория жанра (незавершенные поэмы А. Блока 900-х гг.) // Природа художественного целого и литературный процесс. – Кемерово, 1980. – С. 110.

⁵¹ Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 3. – М., 1971. – С. 11.

⁵² Померанц Г. Сновиденное и очевидное // Литературная газета, 1997. – № 30. – С. 10.

⁵³ Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 3. – М., 1971. – С. 11.

Как падшая униженная дева,
Ищу забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева:
Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
Передо мной – чудесная жена!⁵⁷

Испытание сном оказывается возможным постольку, поскольку в поэтике сна воплощались прежде высокие духовные ценности. В этом смысле показательно развитие лирической ситуации: «борьба души со снами» (в первом томе) – «демонизация» мотивов сна (во втором томе) – «То душа, на последний путь вступая, // Безумно плачет о прошлых снах»⁵⁸ (в третьем томе).

Эволюцию мотивов сна отражает развивающиеся взаимоотношения «сна» и «яви». «Субстанциональная» целостность сна в первом томе долго не нарушалась введением в качестве противопоставления образа «яви». «Демонизация» мотивов сна преобразовалась во втором томе в «нераздельность-неслиянность» «сна» и «яви». В «Страшном мире» отмечается раздельность «сна» и «яви». Однако «органика небытия»⁵⁹, инфернальная

энергия отрицания актуализируют прежде всего общность, а не различие двух мотивов – их отрицание в цикле: «Слова? – Их не было. – Что ж было? – // Ни сон, ни явь...»⁶⁰.

Художественная функция поэтических сновидений в цикле

Важная для взаимоотношений «сна» и «яви» форма поэтического сновидения появляется в «Страшном мире» в двух стихотворениях: «Двойник» и «Демон». В отличие от предыдущих книг, где сновидческая форма сюжета выражала «способ чувствования» (как в «ANTE LUCEM») или являлась литературным приемом, композиционной формой (как в некоторых примерах из второго тома), в цикле «Страшный мир» наблюдается иное решение. Оба стихотворения имеют установку на сновидческий сюжет («И стала мне молодость *сниться*» («Двойник»)⁶¹, «И *снится* – в далеком ауле» («Демон»)⁶². Однако принципиальная невыделенность этой

57 Там же. – С. 11.

58 Там же. – С. 15.

59 Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Максимов Д.Е.

Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 119.

60 Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 3. – М., 1971. – С. 18.

61 Там же. – С. 8-9.

62 Там же. – С. 16-17.

установки из основной формы повествования (сновидческая установка вводится не с самого начала стихотворения, выражается союзом «И» со значением «продолжения действия») и отсутствие явного «пробуждения» определяют включенность сновидческого сюжета в «явь». Сближает оба стихотворения сюжет о двойниках.

В стихотворении «Двойник» образ «старееющего юноши», построенный по принципу сновидческого склеивания нескольких образов в одном, обращает нас к сюжету о двойнике из стихотворения «Старик» первого тома. Если в первом томе «сон» выступал хронотопом появления образа двойника («Когда-то там – нас было двое, // Но то во сне, не наяву»⁶³) и противопоставлялся «яви» по оппозиции «память-забвение», то в «Двойнике» третьего тома хронотоп появления двойника – «ночь туманная», что объясняется абсолютизацией образа Ночи в цикле. Сон, в отличие от остальных примеров цикла, где он сближается с «забвением», в данном случае, как и в сюжете о двойнике из 1 тома, как бы вытекает из мотива «памяти» («Я брел, вспоминая напев ...*Возник позабытый* напев. // И стала мне молодость *сниться*»⁶⁴).

63 Там же. – Т.1. – С. 164.

64 Там же. – Т.3. – С. 9.

«Явь» в стихотворении прямо не обозначена, но концовка стихотворения по логике выражения представляет собой «явь», принципиально мотивирующую образ двойника не сновидением, а «зеркалом» («Быть может, себя самого // Я встретил *на глади зеркальной*»⁶⁵). Взаимоотношения «сна» и «яви» внутри стихотворения противоречивы. Воплощение в мотиве сна мечты о «потерянном рае»⁶⁶ противопоставляет его яви «страшного мира». Однако «явь» реального мира – это «сонная монотония», «сонное марево»⁶⁷. В сюжете стихотворения сновидение выполняет разоблачительную функцию. Исследователи отмечают, что, «если бы лирический герой не ушел в светлую сферу душевной жизни и оставался бы слитым с темным фоном, он не мог бы разглядеть рядом с собой темную тень – двойника»⁶⁸. Разоблачительная функция сна развивает традиционные представления о сновидении как способе объективации, возможности увидеть себя со стороны. Важной особенностью стихотворения является «сочетание условно-фантастической

65 Там же. – С. 9.

66 Максимов Д.Е. Об одном стихотворении («Двойник») // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 175.

67 Там же. – С. 170.

68 Там же. – С. 176.

ситуации со скрытой за текстом реально-психологической мотивировкой»⁶⁹.

В стихотворении «Демон» введение сновидческой установки конкретизирует поэтическую ориентацию автора. Кроме названия стихотворения до третьей строфы, где впервые появляется имя Тамары, других признаков реминисценции не было. Последние две строфы конкретизируют «демоническую» традицию Блока. Можно предположить, что обращение в последних двух строфах к форме поэтического сновидения («И снится – в далеком ауле»⁷⁰) обнаруживает в блоковском Демоне двойника лермонтовского героя. В данном случае поэтическое сновидение выступает как форма реминисценции из лермонтовской поэмы. Однако стихотворение допускает еще одну трактовку. Можно предположить, что знаменитый сюжет лермонтовской поэмы – это всего лишь сон Демона блоковского, вызванный его тоской – мечтой о «потерянном рае» («И в горном закатном пожаре, // В разливах синеющих крыл, // С тобою, с мечтой о Тамаре, // Я, горный, навеки без сил»⁷¹). В любом случае сон здесь

форма остраненной точки зрения, возможность представить сюжет о Демоне со стороны. Введение мотива сна обнаруживает новые грани в сюжете о Демоне. Блоковский Демон оказывается включенным в мир природы и музыки, о чем не могло быть речи у Лермонтова, где отъединенность Демона выражалась в презрении его ко всем природным образам и человеческим чувствам. Изменения в образе Демона проявляются и в изменении его позиции. Если в начале стихотворения Блока Демон противопоставлен всему остальному миру, как лермонтовский герой («Не жил я – блуждал среди чужих»⁷²), то в поэтическом сновидении стихотворения меняется форма выражения лица: вместо «я» (как в первой части) – «мы» («Тоскливо к нам в небо плеснули»⁷³). Через поэтическое сновидение осуществляется сближение Демона с героиней. Сравним: у Лермонтова сны – это удел смертных. Тамара видит сны, навеваемые Демоном: «Гостить я буду до денницы // И на шелковые ресницы // Сны золотые навевать»⁷⁴. У Блока, напротив, Тамара – это сон героя, через который осу-

69 Там же. – С. 177.

70 Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 3. – М., 1971. – С. 17.

71 Там же. – С. 17.

72 Там же. – С. 16.

73 Там же. – С. 17.

74 Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х т. – Т. 2. – М., 1975. – С. 57.

ществляется сближение Демона с героиней («О сон мой! Я новое вижу // В бреде поцелуев твоих!»⁷⁵). Введение в стихотворение поэтического сновидения героя означает, что сам Демон у Блока наделяется способностью сновидца, тем самым его образ очеловечивается. В цикле «Страшный мир» поэтическое сновидение выполняет функцию разоблачения. Оно является средством обнаружения двойника и выявления в нем новых граней.

Заключение

Поэтика сна в третьем томе лирики Блока развивается в русле важнейших тем этого периода: темы «страшного мира», «возмездия», истории и современности, России. Подобная контекстность семантики сна позволяет предположить преобладание синтагматического развития мотивов сна в третьей книге стихов Блока. Однако тесная связь между циклами, эксплицирование в них общих мест, представленных в свернутом виде в открывающем третий том «Страшном мире», определяют, с другой стороны, парадигматику мотивов сна в последнем периоде творчества поэта.

⁷⁵ Блок А. А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 3. – М., 1971. – С. 16.

Художественная функция сна заключается в отражении инфернальной и социальной картины бытия «страшного мира». В третьем томе синкретизм «сна» и «тумана» создает, с одной стороны, образ инфернального хаоса, с другой стороны, атмосферу призрачности, иллюзорности социальной обстановки. Инфернальная направленность «Страшного мира» определяет традиционные представления о сне как важнейшей реальности подземного мира. Зеркальная природа сна обнаруживает в реальном мире черты мира потустороннего. В картине бытия «Страшного мира» сон выполняет одновременно функцию испытания, разоблачения и функцию возмездия, наказания. Испытание сном оказывается возможным постольку, поскольку в поэтике сна воплотились прежде высокие духовные ценности.

Библиография

1. Блок А.А. Собрание сочинений в 6-ти т. – М., 1971.
2. Бройтман С.Н. Предыстория жанра (незавершенные поэмы А. Блока 1900-х гг.) // Природа художественного целого и литературный процесс. – Кемерово, 1980. – С. 100-116.

3. Золян С. Т. «Свет мой, зеркальце скажи...» (к семиотике волшебного зеркала) // Зеркало. Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам. XXII. – Тарту, 1988. – С. 36-44.
4. Исупов К. Г. Историзм Блока и символистская мифология истории. (Введение в проблему) // Александр Блок. Исследования и материалы. – М., 1991. – С. 3-22.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4-х т. – М., 1975.
6. Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 6-151.
7. Максимов Д. Е. Об одном стихотворении («Двойник») // Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1981. – С. 152-189.
8. Машбиц-Веров И. Лирика любви. Тема «Страшного мира» // Машбиц-Веров И. Русский символизм и путь А. Блока. – Куйбышев, 1969. – С. 299-312.
9. Небольсин С.А. Комментарии // Блок А. Собрание сочинений в 6-ти т. – Т. 3. – М., 1971. – С. 329-363.
10. Померанц Г. Сновиденное и очевидное // Литературная газета, 1997. – № 30. – С. 10.
11. Чижиковский П. Б. Диалог культур в лирике Ф. И. Тютчева (мифология и романтизм) // Жанр и проблема диалога. – Махачкала, 1982. – С. 122-129.

Dream as a social and infernal background of the picture being in the loop in Blok's "The Fearful World" (1909-1916)

Bayramova Karina Vladimirovna

PhD (Philology),

senior lecturer, methodology of
teaching Russian language and literature Department,

Dagestan State University,

P.O. Box 367023, M.Gadzhieva st., 34, Makhachkala, the Republic of Dagestan, Russia;

e-mail: samoylovslab@mail.ru

Abstract

The article concerns the peculiarities of poetics of Blok's dream cycle "The Fearful world".

The orientation of the cycle on the first part of Dante's "Divine Comedy" is expressed in the semantics of names and manifests itself in a figurative (the heroes of the series: The Demon, Vampire, twins, dead) and the situational level (lyrical situation of the descent / stay in Hell). Infernal cycle determines the orientation of the traditional perception of a dream as an essential reality of the underworld. The mirror nature of the dream reveals in the real world the features of the world hereafter. In the 3rd volume syncretism of dream and fog creates, on the one hand, the image of the infernal chaos, and, on the other hand, an atmosphere of unreality, illusion of social conditions. Relations between the dream and waking in the "Fearful world" are most clearly reflected in the form of poetic dreams ("The Double", "Demon"). Both poems are set in the dreaming story. However, the principal of the unallocated setting out the basic form of the narrative defines the inclusion of dream scene in "reality." Both poems bring the story of the twins. In the poem "The Double" image of "aging boy" is built on the principle of dream pasting multiple images in one. Revelatory function of a dream develops the traditional notion of it as a way of objectification, the opportunity to see myself from outside. In the poem "The Demon" the introduction of dream setting specifies the orientation of the author's poetic. It can be assumed that the conversion to a form of poetic dream discovers Blok twin Demon of Lermontov's hero. In this case, the poetic dream is considered as a form of reminiscence of Lermontov's poem. However, the poem has another interpretation. It can be assumed that the famous story of Lermontov's poem is a dream of Blok's demon, caused by the dream of lost paradise. The demon is endowed with the dreamer ability, thus its image is getting humanized. In the "Fearful World," a poetic dream carries a function of discovery. It serves as a means of detecting and identifying the double and his new faces.

Keywords

Blok, dream, cycle "Fearful world", demon, Lermontov, night, the double.

References

1. Blok, A. A. (1971), Collected works in 6 vols. [Sobranie sochinenii v 6-ti t.], Moscow.

2. Broitman, S. N. (1980), "Prehistory of the genre (unfinished poem by Alexander Blok, 1900)" ["Predystoriya zhanra (nezavershennyye poemyy A. Bloka 1900-kh gg.)"], *Priroda khudozhestvennogo tselogo i literaturnyy protsess*, Kemerovo, pp. 100-116.
3. Chizhikovskii, P. B. (1982), "Dialogue of cultures in Tyutchev's lyrics (mythology and romanticism)" ["Dialog kul'tur v lirike F. I. Tyutcheva (mifologiya i romanizizm)"], *Zhanr i problema dialoga*, Makhachkala, pp. 122-129.
4. Isupov, K. G. (1991), "Historicism of Blok and the symbolist mythology of history. (Introduction to the problem)" ["Istorizm Bloka i simvolistskaya mifologiya istorii. (Vvedenie v problemu)"], in *Alexander Blok. Research and materials* [Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy], Moscow, pp. 3-22.
5. Lermontov, M. Yu. (1975), *Collected works in 4 volumes* [*Sobranie sochinenii v 4-kh t.*], Moscow.
6. Maksimov, D. E. "Idea in a poetic way of the world" ["Ideya puti v poeticheskom mire Al. Bloka"], in Maksimov D. E. (1981), *Poetry and prose of Al. Blok* [*Poeziya i proza Al. Bloka*], Leningrad, pp. 6-151.
7. Maksimov, D. E. "On a poem ("The Double")" ["Ob odnom stikhotvorenii ("Dvoynik")"], in Maksimov D. E. (1981), *Poetry and prose of Al. Blok* [*Poeziya i proza Al. Bloka*], Leningrad, pp. 152-189.
8. Mashbits-Verov, I. The love lyrics. The theme of "Fearful World" ["Lirika lyubvi. Tema "Strashnogo mira"], in Mashbits-Verov, I. (1969), *Russian symbolism and the way of Alexander Blok* [Russkii simvolizm i put' A. Bloka], Kuibyshev, pp. 299-312.
9. Nebol'sin, S. A. "Comments" ["Kommentarii"], in Blok, A. (1971), *Collected works in 6 vols.* [*Sobranie sochinenii v 6-ti t.*], Moscow, Vol. 3, pp. 329-363.
10. Pomerants, G. (1997), "Dream and the obvious" ["Snovidennoe i ochevidnoe"], *Literaturnaya gazeta*, No. 30, p. 10.
11. Zolyan, S. T., "Mirror, mirror, tell me ..." (to the semiotics of the magic mirror) ["Svet moi, zerkal'tse skazhi..." (k semiotike volshebnogo zerkala)], in *Mirror. Semiotics of the mirroriness. Proceedings of sign systems. XXII* [*Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti. Trudy po znakovym sistemam. XXII*], Tartu, 1988, pp. 36-44.